

ТОТАЛИТАРИЗМ: КОНЦЕПТ ИЛИ ИДЕОЛОГИЯ?

Р. Д. Андерсон

АНДЕРСОН Ричард Д., профессор политических наук Калифорнийского университета, Лос-Анджелес.

Понятие "тоталитаризм" было введено в употребление после второй мировой войны. Появившись в ходе сравнительных исследований режимов, сложившихся в Советском Союзе, гитлеровской Германии и ряде других европейских стран, концепт тоталитаризма вскоре стал парадигматическим в англо-американской науке, и большинство западных работ по советской политике строилось на его основе. В 1960-х годах естественный процесс накопления эмпирических данных, а также критика с теоретической точки зрения заставили подавляющую часть западных наблюдателей отказаться от этого понятия. В последующие годы в работах российских исследователей, анализирующих опыт своей страны, концепт тоталитаризма появился, однако, вновь и приобрел популярность среди части европейских и американских специалистов. В представляемой вниманию читателя статье будут проанализированы исходное значение и смысл понятия "тоталитаризм", приведены некоторые эмпирические данные, заставляющие усомниться в его теоретической полезности, и рассмотрены причины его возрождения в качестве научной и политической категории.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПОНЯТИЯ

Для авторов ставшего классическим обзора литературы по тоталитаризму К. Фридриха и З. Бжезинского (1) понятие "тоталитаризм" является абстрактным обозначением совокупности черт, которые были присущи диктаторским режимам, возникшим в восточной, центральной и южной Европе в межвоенный период. Характерной особенностью данных режимов был контроль над политической сферой одной политической организации, провозглашавшей своей миссией преобразование общества. Во главе такой политической организации во всех этих странах стоял единоличный харизматический лидер, а другие видные политические деятели подчинялись ему и зависели от его воли. Хотя подобные организации именовали себя партиями и, как правило, в институциональном плане являлись преемниками более ранних структур, которые действительно когда-то конкурировали с партиями за мандат на правление, со временем все они переплелись с государственными институтами. Если партия — это объединение внутри государства, соревнующееся за власть с другими аналогичными объединениями, действующими в том же самом государстве, то к 1930-м годам описанные нами организации перестали быть партиями. Вместо этого они стали воплощать "партию-государство".

Миссия партии-государства по преобразованию общества проявлялась в том, что такая организация проникала во все сферы общественной жизни. Все типы социальной организации, более сложные, чем семья, подлежали надзору со стороны назначенных руководителем партии-государства чиновников. Независимые ассоциации были запрещены. Дабы обеспечить контроль партии-государства надо всеми без исключения ассоциациями, была создана сеть бюрократических структур, не имеющая аналогов в других странах. Юношеские союзы, женские ассоциации, официальные профсоюзы, общества трезвости, национальные клубы ветеранов и т. п. вовлекали соответствующие слои населения в массовые организации, возглавлявшиеся назначенными партией-государством лицами. Запрещение не подотчетных ей эмиссарам ассоциаций привело к вытеснению "гражданского общества" как независимого форума для ориентации и критики власти и замене его более чувствительными к директивам правителей формами социальной активности.

Аналогичные принципы были положены в основу и экономической организации общества. Отличие сталинистских режимов, сложившихся в Советском Союзе и ряде стран послевоенной восточной Европы и Азии, от других режимов подобного толка заключалось в том, что там фактически была ликвидирована частная собственность на средства производства. Однако это отличие было скорее кажущимся, чем реальным. Все партии-государства ввели централизованное регулирование крупномасштабной экономической деятельности, а имущество мелких собственников подлежало конфискации всякий раз, когда это отвечало целям государства. (Вспомните, например, конфискацию еврейских лавок в нацистской Германии). Хотя формально Советское государство владело всей собственностью производственного назначения и управляло ее

использованием с помощью директив Госплана, спускаемых через специализированные министерства на уровень предприятий, на деле производственная деятельность контролировалась министрами и директорами крупнейших предприятий, Госплан же служил местом их переговоров как друг с другом, так и с высшими должностными лицами партии-государства. Отличие этого процесса от принятого в Германии, где промышленники, сохранившие частную собственность, собирались на совещания под председательством какого-нибудь Шахта или Шпеера, было незначительным.

Наконец, основным институтом тоталитарной партии-государства являлась политическая полиция с ее практикой массовых репрессий, направленных против населения Фридрих и Бжезинский настаивали даже, что тоталитаризм не способен существовать без террора. Режим личной власти не мог бы уцелеть, если бы абсолютный диктатор не устранял регулярно всех своих потенциальных соперников, а партия-государство не была бы в состоянии поддерживать ни свое проникновение в гражданское общество, ни запрет на создание независимых ассоциаций; иными словами, если бы волны насилия постоянно не запугивали население, низводя его до состояния молчаливой покорности.

Концепт тоталитаризма привлекал исследователей как в эмпирическом, так и в эмоциональном плане. В эмпирическом плане он высвечивал отчетливо выраженные различия между режимами, установленными в межвоенный период в восточной, центральной и южной Европе, и демократическими странами, где эти исследователи вписывали данное понятие в научную литературу. Такие различия действительно есть. В одном случае мы имеем дело с режимом личной власти, в другом — с разделением властей; в одном случае отбор должностных лиц ведется на монопольной основе, в другом — на конкурентной; в одном случае ассоциации запрещены, в другом — им предоставлена свобода; в одном случае государство регулирует экономические процессы, в другом — царит полная анархия в принятии экономических решений; в одном случае акцент делается на использование террора, в другом — на сохранение гражданского мира; в одном случае основополагающей целью государства провозглашается преобразование общества, в другом — сохранение его процветания.

В эмоциональном плане концепт тоталитаризма был притягателен, поскольку соответствовал чувству отвращения, вызываемому политикой режимов, для характеристики которых он использовался. Дело не только в том, что нацисты ввергли

человечество во вторую мировую войну, но и в том, что поведение испанских фалангистов и российских коммунистов не могло не отталкивать всякого, кто придерживался общечеловеческих ценностей. Естественная реакция на отвращение — дистанцироваться от вызывающего это чувство объекта. (Эту реакцию более точно схватывают русские слова "отвратительно, отталкивающе", нежели английское "geringnant" с его не вполне ясным латинским корнем). С помощью фундаментального метода вычленения различий между режимами, по отношению к которым данное понятие использовалось, и демократиями, граждане которых его употребляли концепт тоталитаризма превращал эти режимы в "другие", далекие от "своих". В наиболее резкой форме отчуждение наблюдателей от подобного рода режимов было выражено польской журналисткой Т. Торанской, озаглавившей свою книгу интервью с польскими сталинистами одним словом — "Они".

ЭМПИРИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ И КРИТИКА

Динамика развития научной сферы определяется достоянной критикой влиятельных концепций. Конкретные исследователи добывают славу и достигают успехов в своей деятельности не тогда, когда пытаются увековечить общепринятые идеи, но когда ищут их слабые места. Парадигматические идеи вроде физики Ньютона или биологии Дарвина сохраняются в той мере, в какой ученые потерпели поражение в таком поиске. Наиболее распространенный метод критики — пересмотр основополагающей логики общепринятых идей. Коперник атаковал утверждение о том, что солнце вращается вокруг земли, предположив, что земля вращается вокруг солнца; сейчас признано, что и солнце, и земля движутся по сложным траекториям во времени и пространстве, а конфигурация их орбит в значительной степени зависит от места расположения наблюдателя. Соответственно, если логика концепции тоталитаризма связана с поиском отличий режимов стран восточной, центральной и южной Европы межвоенного периода от демократий, новое поколение критиков должно искать сходство между ними.

Мощный толчок к началу такого поиска был дан последовавшей за смертью Сталина трансформацией форм насилия партии-государства над обществом, трансформацией, которую многие ошибочно приняли за окончание террора. Полугласное осуждение Хрущевым репрессий против его соратников-коммунистов явилось кульминационным пунктом процесса демонтажа полицейского государства в государстве, ведущем свое начало с 1953 г., когда он и другие олигархи, движимые чувством самосохранения, распорядились казнить Берию и Абакумова. Понимая, что любой преемник казенных вскоре станет не менее опасным, они не видели иного выхода, кроме как расчленив институт насилия. Хрущев не столько положил конец насилию партии-государства над обществом, сколько изменил его форму. Массовый террор, направлявшийся из центра, определявшего местные квоты жертв, подлежащих аресту и заключению в тюрьмы и лагеря, уступил место гораздо более селективной, централизованной программе по выявлению и изоляции активных противников режима, сочетающейся с децентрализованным насилием, которое местные чиновники осуществляли по отношению к гражданам. С точки зрения перспектив существования режима этот тип насилия имел даже определенные преимущества, возможно, неосознанные, поскольку стимулировал попытки населения избежать внимания властей путем соблюдения выработанного им самим правила — "не высывайся". Конечно, обычные граждане по-прежнему могли быть без всякого повода арестованы и осуждены (хотя это происходило в значительно меньших масштабах, чем при Сталине, и с менее запрограммированной из центра жестокостью), однако отказ от террора в сфере высшей политики и появление правил, защищавших членов партии от ареста без прямой санкции высокопоставленных должностных лиц, казалось, опровергало ясно выраженное в 1956 г. предположение Фридриха и Бжезинского, что тоталитаризм не может существовать без террора. Факт, что в 1964 г. Хрущев был смещен со своего поста, также, по-видимому, сигнализировал о том, что концепция тоталитаризма с ее упором на неизбежность единоличного правления харизматического лидера не применима более к политической жизни Советского Союза.

Преобразование Хрущевым форм насилия по отношению к обществу заставило ряд ученых, таких как М. Лодж, Дж. Ф. Хоуф, Х. Г. Скиллинг и Ф. У. Гриффитс, обратить внимание на то, что в советской организации есть и всегда существовали виды деятельности, в значительной степени напоминавшие деятельность групп давления в демократических обществах (2). Группы должностных лиц, общающихся между собой при помощи прессы, вырабатывали общую точку зрения по различным политическим вопросам и затем передавали ее вверх по иерархической лестнице в высшие эшелоны политической власти. В свою очередь выбор определенного политического курса лидерами, казалось, отвечал давлению со стороны подчиненных им чиновников. Отличие этого процесса от аналогичного ему в демократических обществах было, по-видимому, в меньшей степени связано с проникновением партии-государства в общество (как это следует из концепции тоталитаризма), чем с формальным вхождением групп интересов в бюрократические структуры партии-государства, т. е. по сути с проникновением общества в партию-государство! Несмотря на отсутствие институтов, которые обеспечивали бы подотчетность политического лидера обществу, — черта, главная для тоталитаризма, — общество, видимо, имело средства оказывать влияние на решения лидеров.

Наиболее полное развитие эта система доводов получила в работах Хоуфа. Он утверждал, что Политбюро превратилось не более чем в "оценщика" социальных потребностей, согласовывающего противоречивые требования различных групп интересов, нашедших себе приют среди огромной функциональной бюрократии. В результате, военная политика служила интересам генералов, политика в области здравоохранения — интересам врачей, производственная политика — интересам директоров и т. д. Когда в ходе бюрократических переговоров директор добивался реализации интересов своего предприятия, он тем самым улучшал и материальное положение его работников. Поэтому, согласно Хоуфу, можно сказать, что директор, хотя и в ограниченном смысле, выражал их интересы в процессе выработки политического курса.

Преувеличения, характерные для подобного подхода, легко поддаются критике. Взгляды Хоуфа были весьма тенденциозно раскритикованы полковником (затем генералом) У. Одомом, который настаивал на том, что если (согласно определению) группы интересов подразумевают организационную автономию, значит к ним нельзя относить бюрократические группировки. Здесь был упущен из внимания один очень важный момент: если деятельность бюрократических группировок и ее результаты совпадают с деятельностью и ее результатами групп интересов, то это означает лишь, что понятие "группа интересов", по-видимому, определено слишком узко. Более весомым является другое возражение. Общее развитие экономики в 1950 — 60-х годах,

позволившее увеличить объем средств, выделяемых на выполнение практически каждой социальной функции, маскировало постоянный рост доли ресурсов, направляемых в военную сферу. В 1970-х годах экономический рост замедлился, однако уклон в сторону оборонной сферы сохранился, что привело к реальным потерям в других областях. Количественные показатели, избранные Хоуфом для измерения давления со стороны групповых "интересов" (наиболее известным примером такого подхода является его ссылка на постоянное увеличение числа больничных коек как на свидетельство реализации интересов врачей), скрывали отсутствие других показателей, особенно качественных. Когда снабжение лекарствами и медицинским оборудованием отстает от темпов строительства больничных зданий, распределение медицинского обслуживания становится более неравномерным и страдает его качество. Не исключено, что постоянное увеличение количественных показателей с большим основанием можно считать следствием принципа планирования от достигнутого уровня, который должен господствовать при командной экономике, чем результатом давления со стороны бюрократических групп интересов.

Хотя Хоуф так ничего и не ответил на эту критику, она гораздо менее основательна, чем может показаться. Почему в советском планировании продолжал сохраняться принцип планирования от достигнутого уровня, когда и специалисты из числа бюрократии, и представители общенационального руководства в своем большинстве признавали, что экстенсивное развитие расточительно и невыгодно? Разрешить эту загадку позволяет основанная на группах интересов модель политического торга. Когда в нем участвуют многочисленные группы, неопределенность выбора из имеющихся взаимоприемлемых вариантов порождает проблему согласования. Стороны обычно решают ее, принимая некую общую формулу или принцип справедливого распределения предметов торга. Они сходятся на этом, поскольку так психологически проще решать спорные вопросы. Формула типа "каждый будет получать ежегодный прирост ассигнований" позволяет снять проблему согласования. В рамках этого общего решения ежегодный прирост ассигнований на армию мог быть наибольшим, поскольку военные являются самой мощной среди претендующей на ассигнования бюрократической группой, имеющей непосредственный выход на принимающее решения Политбюро. С этой точки зрения, координация экономической деятельности при помощи планирования могла быть не столько следствием проникновения тоталитарных структур во все сферы жизни общества, сколько удобной формой соглашения, достигнутого держателями экономической власти.

Любопытно, что Хоуф сохранил характерное для концепции тоталитаризма представление об установившемся в Советском Союзе единоличном правлении, а другие исследователи групп интересов (за исключением Б. Паррота) просто избегали обсуждать взаимоотношения внутри Политбюро. Пренебрежение эмпирическим исследованием данного института явилось причиной того, что они не заметили еще одно несомненное сходство между режимами, существующими в Советском Союзе и в демократических странах.

При демократии политические лидеры вовлечены в различного рода деятельность, которую суммарно можно свести к двум измерениям — вертикальному и горизонтальному. Если взять вертикальное измерение, то их функции заключаются в обращении к избирателям. Они выдвигают свои специфические предвыборные программы, рассчитанные на то, чтобы путем подчеркивания различий между политикой, которую в случае их победы будет проводить государство, и той, которая будет проводиться, если изберут их соперников, добиться поддержки общества. В горизонтальном измерении политики, чьи программы получили наибольшую поддержку общества, разрешают противоречия между своими проектами путем политического торга. Наиболее принятой, хотя и не единственной, формой такого торга является так называемое "перекатывание бревна" — включение в общую политическую программу предложений соперничающих группировок вне зависимости от того, совместимы ли друг с другом отдельно взятые последствия предложенного курса. Например, в Соединенных Штатах на выборах в Конгресс некоторые кандидаты обычно выступают за расширение финансирования государственных программ, в то время как другие отстаивают необходимость сокращения налогов. Часть кандидатов как одного, так и другого направления бывают избраны, и Конгресс нередко утверждает оба предложения, хотя их одновременное проведение ведет к постепенному росту бюджетного дефицита и в конечном итоге делает неизбежным и увеличение налогов, и сокращение государственных программ.

Содержащееся в концепте тоталитаризма положение о единоличном правлении отрицает наличие горизонтального измерения в деятельности политических лидеров

подобной системы и представляет ее вертикальное измерение как полностью отличное от его демократического аналога. Лидер партии-государства передает на рассмотрение общественности свою программу, но поскольку тоталитаризм стремится контролировать общество, а не завоевывать его поддержку, выдвигается только одна программа, рассчитанная на то, чтобы направлять общество по пути социальных преобразований. Поскольку содержание этой программы определяет один человек и нет никаких альтернатив, лидерам не о чем вести торг, и им нет необходимости прибегать к "перекатыванию бревна".

Странной чертой концепции тоталитаризма является то, что упор на стремление партии-государства вводить в заблуждение и собственное общество, и окружающий мир сочетается в ней с готовностью принимать как соответствующий действительности тот ее образ, в котором партия-государство пытается предстать перед общественностью. Так, положение о режиме личной власти повторяет описание партией-государством существующего в ней стиля руководства. Вдумайтесь в реплику бывшего члена Политбюро В. В. Гришина в 1991 г.: "Я предложил кандидатуру Горбачева. Что я имел в виду, внося на Политбюро такое предложение? Я исходил из того, что именно Горбачев и должен быть нашим руководителем. Человек он подготовленный, опытный, работал на Ставрополье, это большой край" (3). Это заявление полностью соотнобразуется с имиджем партии-государства, возглавляемой только одним лидером, избранном за персональные качества, делающие его подходящим для руководства государством.

Но Гришин в лучшем случае утаил часть правды. Возможно, он действительно выступал на Политбюро с предложением назначить на пост генерального секретаря Горбачева, хотя никаких материалов об этом совещании тогда обнародовано не было. Однако Б. Н. Ельцин и Е. К. Лигачев рассказывали, что Горбачев получил этот пост лишь благодаря вмешательству значительного числа первых секретарей обкомов, опасавшихся, что назначение Гришина приведет к усилению коррупции. В приведенном нами высказывании Гришин скрыл именно факт своей конкуренции с Горбачевым за пост генерального секретаря.

Тот же ложный образ генерального секретаря как единоличного правителя мы встречаем в публичном описании процесса принятия решения об использовании войск против демонстрантов в Тбилиси в апреле 1989 г. Д. Т. Язов сообщил Верховному Совету Союза, что по возвращении из Англии Горбачев спросил членов Политбюро о ситуации в стране. Тогда "... товарищ Лигачев сказал, вот получил такую-то шифровку сегодня от товарища Патиашвили; какое решение?" На самом же деле Лигачев к тому моменту уже созвал совещание большинства членов Политбюро, где было решено предоставить Патиашвили войска, о которых он просил (4). Политическая цель, скрытая как в вопросе Лигачева, так и в отчете Язова, очевидна — Представить дело так, будто Политбюро ожидало решения Горбачева, дабы он разделил ответственность за насилие, уже вызвавшее возмущение общественности. Несмотря на попытки создать публичный образ единого руководства, действующего как одна команда под руководством единоличного всевластного лидера, членам Политбюро, как и лидерам демократических стран, в равной степени присуща и вертикальная, и горизонтальная активность. Анализ выступлений членов Политбюро за 1964—1972 гг. показывает, например, что хотя все они единодушно выступали за "строительство социализма", по меньшей мере пятеро из них прилагали немало усилий, чтобы ознакомить свою аудиторию с существующими в Политбюро различиями в подходе к такому строительству. Слушавшие их должностные лица осведомлялись о том, что Косыгин выступает за реформы, а Брежнев стремится заблокировать их с тем, чтобы сохранить централизованные бюрократические структуры, которые Могли направлять ресурсы в приоритетные для него сферы — оборону и сельское хозяйство. Об информированности чиновников свидетельствует, в частности, и следующее: как отмечают советские историки, когда вторжение в Чехословакию в августе 1968 г. продемонстрировало неспособность Косыгина противостоять влиянию Брежнева в Политбюро и защитить реформаторов, сторонники программы Косыгина ослабили свои попытки ввести реформу, в то время как приверженцы Брежнева с удвоенной энергией начали пересматривать решения, принятые в 1965 г. Для разрешения противоречий между этими двумя группировками Политбюро прибегало к "перекатыванию бревна". Так, реформа, одобренная ЦК КПСС в сентябре 1965 г. (ее часто ошибочно называют косыгинской), на деле соединяла в себе предложение Косыгина о передаче права принятия экономических решений руководству предприятия и стремление Брежнева воссоздать центральные министерства, распределяющие ресурсы, хотя предложения противоречили друг другу. В конечном итоге это и привело к крушению реформы.

Тот факт, что в недемократических государствах имеются конкурирующие между собой публично выраженные политические позиции и используется практика "перекатывания бревна", открывает возможность рассматривать демократические и недемократические режимы в одной системе категорий. Один из процессов, общих для государств обоего типа, состоит в борьбе политических лидеров всех уровней за поддержку определенных групп населения путем открытого выдвижения отличающихся друг от друга идеологий. Другой — согласовывание позиций в ходе политического торга между лидерами, стремящимися объединить своих сторонников в организацию, способную к слаженным действиям. Чтобы эти два процесса, хорошо известные из анализа демократических систем, могли стать основой интегральной теории демократической и недемократической политики, они должны столь же хорошо объяснять явления, суммированные в концепте тоталитаризма.

Ключ к такому объяснению содержится в осознании того, что хотя все политические лидеры стремятся рекрутировать себе сторонников, они не могут опираться на одни и те же принципы, да и не все принципы привлекают к себе равные доли населения. Если бы все политики опирались на одни и те же принципы, не было бы тех различий, которые побуждают избирателен формировать свои политические пристрастия. Если бы все принципы привлекали равные части населения, никто не смог бы получить большинство на выборах. Отличительной чертой режимов, сложившихся в межвоенный период в восточной, центральной и южной Европе, было то, что успеха там добились лидеры, чьи принципы были рассчитаны на привлечение незначительного меньшинства населения их стран.

Попытка управлять обществом, заручившись поддержкой лишь малой толики жителей страны, и диктовала все остальные характеристики, которые, по мнению приверженцев концепта тоталитаризма, и отличают подобные режимы от демократических. При правлении незначительного меньшинства должна быть проведена четкая грань, отделяющая это меньшинство от остального общества. Чтобы такое меньшинство могло править» его представители должны компенсировать недостаток численности высоким уровнем дисциплины. Но любое меньшинство состоит из индивидов, имеющих связи среди людей, не входящих в правящую группу, и эти связи порождают систему привязанностей, идущих вразрез с их преданностью лидерам. Концепт тоталитаризма игнорирует не только сходство между режимами, для определения которых он используется, и демократиями, но и их схожесть с другими формами тирании и угнетения. В феодальных обществах генеалогический принцип, в соответствии с которым власть являлась передающейся по наследству привилегией так называемых знатных фамилий, а подчинение — наследственной обязанностью простолюдинов, служил для поддержания требуемого разграничения меньшинства и большинства. Объединившись на основе отрицания генеалогического принципа, советские коммунисты столкнулись с проблемой, как отделить себя от остальной части общества. Ведь каждый, кто вступал в партию, имел семью и друзей, среди которых были некоммунисты, и эти связи ставили под угрозу его подчинение воле лидеров.

Вопрос о том, осознавали ли коммунистические лидеры, что массовые репрессии позволят им отделить членов партии от остального общества, остается открытым. Что касается меня, то я склонен сомневаться в этом. Однако, какова бы ни была первопричина насилия, оно именно так воздействовало и на общество, и на партию, что увековечивало власть меньшинства. Рассматривая влияние массовых репрессий на общество, можно констатировать: отталкивающее поведение коммунистов заставляло людей с большой неохотой и опаской иметь с ними дело — разве что при каких-то гарантиях безопасности. В сознании же правящего меньшинства насилие влекло за собой ряд усиливающих друг друга следствий. Совместный опыт ликвидации кулачества в деревне, позволивший начать преследование буржуазных специалистов и ликвидировать оппозицию внутри партии, ожесточил коммунистов. Как показал Р. Дж. Лифтон в своем плодотворном исследовании врачей-нацистов (5), участие в насилии меняет психологию индивидов, вызывая у них раздвоение сознания. Участники подобных актов могут вполне гуманно относиться к одним людям и в то же время быть бесчеловечно жестокими с теми, кто подходит на роль жертв террора. Порожденный практикой массового насилия антагонизм между партией-государством и обществом заставлял членов партии обращаться друг к другу за защитой и поддержкой, а жестокость по отношению к чужакам укрепляла осознание ими того наказания, которому они подвергнутся в случае отступничества. Наконец, насилие в рядах самой партии-государства осуществляло жесткий отбор ее членов, и по мере того, как из нее выпадали все новые жертвы, возрастал удельный вес тех, кто непосредственно участвовал в актах насилия или выгадал от их проведения.

Только таким образом партия-государство, тогда не насчитывавшая более 3 млн. членов, могла удерживать в своих тисках общество, состоящее из 150 млн. человек. Насилие партии-государства являло собой наступление на общество, но наибольшую пользу режиму принесли не страдания жертв, а то, как это насилие сказывалось на самих атакующих.

Дисциплинируя партию-государство, насилие также являлось причиной ее проникновения в общество. Помня о тех жестокостях, которые они совершили, должностные лица партии-государства стали с подозрением относиться к обществу, частично потому, что они сами, стремясь сделать его своей жертвой, создали в его лице образ врага, частично потому, что осуществляемое ими насилие действительно вызывало враждебность со стороны членов общества. Любая независимая социальная ассоциация могла стать базой для мобилизации населения, подвинутого страданиями на нарушение закона. Более того, ведущие позиции, которые осуществлявшие насилие лица занимали во всех общественных и экономических организациях, давали им право на материальное вознаграждение, обеспечивающее более высокий, чем у других, уровень жизни. Создавая у отдельных индивидов стимул ходатайствовать о вступлении в ряды правящего меньшинства, стремление к подобной мзде одновременно помогало рекрутировать новых должностных лиц и обосновывать идеологию преобразования общества. Небольшая численности партия коммунистов, руководствуясь чувством самосохранения, стремилась расширить свои ряды. Но если бы численность правящего меньшинства возросла, а объем имеющихся в его распоряжении ресурсов остался бы прежним, то доля каждого сократилась бы. Индустриализировав Россию, коммунисты создали новое богатство, что позволило добиться и той, и другой цели сразу: расширить ряды правящего меньшинства и при этом увеличить персональное вознаграждение каждого.

Внешне идеология преобразования общества обещала принести пользу не правящему меньшинству, а подвластному ему большинству населения. И это обещание было до определенной степени выполнено. С начала 1930-х годов уровень жизни общества постепенно возрастал и к концу 1970-х годов достиг своего пика. В этом отношении тоталитаризм опять-таки мало чем отличается от других форм правления меньшинства. Как отмечает Дж. С. Скотт (6), все находящиеся под властью меньшинства общества создают свой "официальный образ", который внешне представляет тиранию как правление в интересах большинства. Создание подобного "официального образа" помогает меньшинству сохранять свою власть. Это не означает, что управляемое меньшинством население верит в то, что ему говорят правители, — оно слишком хорошо знает свое реальное положение. Так, простые русские крестьяне более четко осознавали преемственность между "коммунистической" и более ранними формами правления меньшинства, чем интеллектуалы, выдумавшие концепцию тоталитаризма. Сколь мало крестьян вводил в заблуждение "официальный образ", видно, в частности, из того, как они расшифровывали аббревиатуру "ВКП(б)": "Второе Крепостное Право большевиков". "Официальный образ" служит не для того, чтобы одурачивать общество, а для того, чтобы затушевать вопрос о конкуренции лидеров внутри правящего меньшинства. Он необходим для сокрытия информации, которая, став известной, дала бы обществу возможность принять чью-то сторону в конфликтах, раскалывающих правящее меньшинство, и положила бы начало созданию коалиций, нарушающих границы социального водораздела, того водораздела, который помогает меньшинству сохранять свою сплоченность. Именно поэтому любой "официальный образ" правления меньшинства соединяет в себе лживый культ единоличного харизматического лидера и не менее лживые декларации об управлении в интересах общества.

Российский опыт ясно показывает динамику "официального образа" в действии. После Кронштадтского восстания, вспыхнувшего из-за разоблачения споров внутри власть имущих по вопросам организации экономики и проведения демобилизации, их верхушка добилась согласия членов правящей группы на создание "образа" меньшинства и "образа" единства путем запрещения организованных фракций, выступающих с отдельными программами. Предотвратить возникновение неформальных фракций и группировок было невозможно, однако эти фракции в своих же собственных интересах старались воздерживаться от апелляции к слоям, не входившим в правящее меньшинство. Позднее, когда ухудшение функционирования экономики в начале 1980-х годов обострило конкуренцию внутри правящего меньшинства за материальное вознаграждение, усиление споров и разногласий внутри партии-государства нашло свое выражение в политике гласности, т. е. в решении предоставить обществу больше информации. По мере того, как общество становилось все более информированным, начали возникать коалиции, нарушающие существующий социальный водораздел. Группа Горбачева стремилась

заручиться поддержкой демократических движений, консерваторы пытались обрести социальную базу в лице движений, подобных Объединенному фронту трудящихся. Прямым следствием нарушения "официального образа" единства явилась, утрата правящим меньшинством способности сохранять сплоченность в организационном плане.

Феномен "двоемыслия", который часто рассматривается как проявление культурной специфики советского общества, на самом деле является еще одним свидетельством того, что этому обществу присущи те же черты, что и другим управляемым меньшинством системам. "Официальный образ" режима, который правящая элита преподносит обществу, представляет собой, как отмечает Скотт, нечто промежуточное между двумя его тайными ликами — тем, каким он видится правящему меньшинству, и тем, каким он видится угнетенному обществу. В выступлениях и документах, скрытых от внимания антипода, находящегося по другую сторону социального водораздела, и правящая верхушка, и подавляемое большинство придерживаются взглядов, диаметрально противоположных тем ценностям, о приверженности которым они заявляют публично. У правителей осознание тайного лика режима питает чувство сопричастности, которое позволяет им действовать сообща для сохранения своей власти. Представления же подданных о скрытом облике режима обеспечивают социальное взаимопонимание, которое помогает им и выносить, и сопротивляться угнетению. Индивидуально, однако, и те и другие воспринимают существующую в их умах противоположность между скрытым и публичным "образом" режима как внутренний распад личности на множество личин, каждая из которых подогнана под конкретную аудиторию.

Концепт тоталитаризма не только преувеличивает различия между режимами, сложившимися в восточной, центральной и южной Европе в межвоенный период, и всеми другими, он также игнорирует место этих режимов в окружающем их мире. Мировой экономический кризис 1930-х годов создал благоприятную почву для идеологий, провозглашавших необходимость преобразования общества, практически во всех странах. Расширение международной торговли приводит к увеличению прибыли с продажи того, что в данной стране имеется в избытке, ее свертывание — к росту прибыли с того, чего в ней не хватает. В обществах, где в 1930-х годах установились диктаторские режимы, избыток рабочей силы и нехватка капитала ощущались значительно сильнее, чем в демократиях (7). Трудящийся люд этих стран, пострадавший от кризиса гораздо сильнее, чем аналогичные слои населения в демократических обществах, был в большей степени, чем они, склонен слушать планы преобразования социальных условий своего существования — ведь само это существование было гораздо нестерпимее. Соответственно, у него было меньше оснований сопротивляться установлению власти меньшинств, проповедовавших экстремистские идеологии. Именно потому, что международные торговые связи должны были усилить позиции трудящегося большинства, дать ему возможность отстаивать свои интересы, правящее меньшинство Союза могло сохранять свою монополию, только поддерживая экономические институты, изолировавшие страну от мирового рынка, и именно поэтому выдвинутый Горбачевым в апреле 1985 г. план интеграции в мировую экономическую систему привел к ниспровержению правления меньшинства.

Суммируя, можно отметить, что концепт тоталитаризма пригоден для исследования лишь внешних проявлений господства. Он принимает партию-государство такой, какой она сама пытается представить себя общественности, т. е. как спаянный дисциплиной инструмент в руках единоличного харизматического лидера, даже тогда, когда на деле она является набором группировок, сохраняющих свою монополию на власть путем создания ложного "образа" дисциплины и единства. Концепт тоталитаризма упускает из вида горизонтальное измерение конкуренции внутри партий-государств, той самой горизонтальной конкуренции, которая придает динамизм действиям партии-государства и в конечном итоге приводит к ее разрушению, заставляя лидеров тянуть руки в поисках сторонников по ту сторону границы, отделяющей правящее меньшинство от остального общества. Непонятно, правда, почему научная дисциплина вроде политологии должна стремиться включить в себя концепт, пригодный для исследования лишь внешней стороны того или иного явления.

ВОЗРОЖДЕНИЕ КОНЦЕПТА

Использование метода вычленения сходных черт для критики характерного для концепта тоталитаризма метода вычленения различий является, конечно, типичным примером изменения логики господствующей научной концепции на противоположную с целью критики последней. Однако первый метод сам по себе не более удовлетворителен,

нежели второй. Для проведения социального анализа требуется концепт, позволяющий учитывать и сходные черты, и различия. Я уже высказывал мысль о том, что может быть сконструирована единая теория, объясняющая как сходство демократических режимов с недемократическими, так и различия между ними. Исходными переменными такой теории должны быть доля общества, вербуемая в качестве сторонников политических лидеров, и содержание тех принципов, которые используются для подобной вербовки.

Вместо того, чтобы в своих построениях отталкиваться от тех критических замечаний, которые были высказаны в течение последних трех десятилетий в адрес концепта тоталитаризма, некоторые исследователи вновь вернулись к нему. Я склонен полагать, что причины притягательности этого концепта остались теми же, что и раньше. Концентрируя внимание только на том, что отличает советский государственный строй от демократического, он позволяет сегодняшнему наблюдателю дистанцироваться от негативно оцениваемого объекта. Конечно, чувство отвращения по отношению ко многим чертам советского режима полностью оправдано. В то же самое время отвращение — это не единственная эмоция, которую может вызывать опыт советской эры. Взгляд на советское общество как на тоталитарное влечет за собой излишнюю готовность принести в жертву многие из его достижений.

Приверженность концепту тоталитаризма создает также опасность ложного истолкования преемственности между прошлым и настоящим. Иностранные наблюдатели, исследующие политическую жизнь современной России, постоянно указывают на то, что у руля власти по-прежнему остаются все "те же". Действительно, если подходить с данной точки зрения, то президент — это все "тот же" первый секретарь Свердловского обкома, мэр Москвы — все "тот же" глава агропрома столицы, а многие должностные лица и депутаты местных советов — все "те же" номенклатурные выдвиженцы.

Проведение четкой разграничительной линии между прежним тоталитарным государством и новой демократией устраивает как сторонников нынешнего правительства, ибо скрывает преемственность должностных лиц, так и его противников, поскольку фактически клеймит новое руководство как антидемократическое, раз оно связано с прежним режимом. Но оно ничего не может дать для развития науки и, на мой взгляд, не способствует укреплению демократического порядка. Я не знаю, каким образом можно демократизировать какое бы то ни было общество без сохранения позиций хотя бы части (причем значительной) прежнего правящего меньшинства. Ведь они будут сопротивляться любой попытке вытеснить их окончательно, а это сопротивление можно преодолеть только путем насилия. Участие же в актах насилия вновь приведет к формированию меньшинства с жестокой внутренней дисциплиной, порожденной опытом жестокости по отношению к другим людям, а не к созданию режима, стремящегося получить поддержку большинства общества. Номенклатурную приватизацию, идущую последние несколько лет в России, возможно, грустно наблюдать из-за рубежа и еще страшнее переносить в самой стране, однако феномен элиты, которая ранее сосредотачивала в своих руках и политическую, и экономическую власть, но которая отказывается в новые времена от контроля в политической сфере в обмен на расширение экономических прав, едва ли можно считать беспрецедентным. То же самое происходило в XIX в. в Соединенных Штатах, и именно это открыло путь к громадному расширению демократических прав и Свобод в этой стране (8). Все выше отмеченное говорит о том, что теоретический концепт, который позволил бы признать и принять тезис преемственности между недемократическими и демократическими режимами, был бы предпочтительнее как с научной, так и с практической точки зрения.

1. Friedrich C. J., Brzezinski Z. K. *Totalitarian Dictatorship and Autocracy*. Cambridge, 1956.

2. Lodge M. G. *Soviet Elite Attitudes since Stalin*. Columbus, Ohio, 1969; Stilling H. G., Griffiths F. (ed.) *Interest Groups in Soviet Politics*. Princeton, 1971; Odom W. F. *A Dissenting View on the Group Approach to Soviet Politics*. — "World politics", 1976, № 28; Hough J. F. *Pluralism, Corporatism and the Soviet Union*. — In: *Pluralism in the Soviet Union*. L., 1983; *The Soviet Union and Social Science Theory*. Cambridge, 1977.

3. "Независимая газета", 29. ХП. 1991.

4. Собчак А. А. *Хожение во власть*. М., 1992.

5. Lifton R. L. *The Nazi Doctors: Medical Killing and the Psychology of Genocide*. N. Y., 1986.
6. Scott J. C. *Domination and the Arts of Resistance: Hidden Transcripts*. New Haven, 1990.
7. Rogowski R. *Commerce and Coalition; How Trade Affects Domestic Political Alignments*. Princeton, 1989
8. Dahl R. *Who Soverns? Democracy and Power in an American City* New Haven, 1963.